

Субъектная референция в ижорском и водском языках: из истории одного заимствования¹

1. Введение

Референция в отношении субъектов высказывания в языках мира традиционно выражается с помощью именных групп и бывает двух основных типов: 1) полная, осуществляемая с помощью имен существительных; 2) редуцированная, осуществляемая с помощью «свободных» и «связанных» [Kibrik 2011: 33] референциальных показателей, — местоимений и/или глагольных аффиксов (1):

(1) *Ø_{pro}² думаю, мы бы замечательно подискутировали.*

(Национальный корпус русского языка <http://ruscorpora.ru/>)

Данная работа посвящена редуцированной референции в двух малых прибалтийско-финских языках — ижорском и водском. Носители этих языков, малочисленные народности ижора и водь, в большинстве своем проживают на территории Кингисеппского района Ленинградской области. На сегодняшний день, помимо собственно водского и ижорского, все представители этих народов владеют русским языком, который является основным языком общения [Рожанский, Маркус 2012: 448; Маркус, Рожанский 2017: 17].

И в современном русском, и в ижорском, и в водском языках представлена схожая стратегия маркирования редуцированной субъектной референции: в большинстве случаев³ субъект маркируется сочетанием личного местоимения и глагольного аффикса, но нередко местоимение может и отсутствовать, и референт идентифицируется только по личным аффиксам глагола:

(2) Ижорский⁴:

a. *hā kūl-i-ø*
3SG⁵ умереть-PST-3SG
'Она умерла'

b. *miä muišša-n šene-n hüväšt*
1SG помнить.PRS-1SG это-GEN.SG хорошо
'Я хорошо это помню'

c. *Ø_{pro} haṁmēhe-d plad'a-d ošš-i-ma*
юбка-NOM.PL платье-NOM.PL покупать-PST-1PL
'[Мы] покупали юбки, платья'

(3) Водский:

a. *sis tāmä tul-i-ø*
потом 3SG приходить-PST-3SG
'Потом он пришел'

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00460 «Грамматика на перекрестке дискурсивных и семантических факторов (опыт когнитивного моделирования)». Автор выражает благодарность Ф. И. Рожанскому и Е. Б. Маркусу за материалы и ценные замечания, высказанные в ходе работы над статьей.

² Здесь и далее этим символом обозначается отсутствие синтаксически выраженного подлежащего.

³ См., в частности, количественные данные [Grenoble 2001] — для русского языка; данные водского и ижорского языков основаны на эмпирических подсчетах автора, сделанных на основе полевых записей Ф. И. Рожанского, Е. Б. Маркуса и Т. Б. Агранат (см. раздел 2).

⁴ Источник примера — полевые записи Е. Б. Маркуса и Ф. И. Рожанского; здесь и далее этот источник является единственным для современных ижорских текстов.

⁵ Здесь и далее глоссировка примеров принадлежит автору статьи и унифицирует несколько подходов, фигурирующих в исследуемых источниках. В частности, в данной работе формы простого прошедшего времени маркируются как PST, граммы именной падежа по умолчанию опускаются.

b. *Ø_{pro} men-i-ø Rīga*
 ехать-PST-3SG Рига.ILL
 ‘[он] поехал в Ригу’

c. *miü tātā e-n ē kensa nāh-nü*
 1SG 3SG.PTV NEG-1SG быть никогда видеть-PTCP.ACT
 ‘Я его никогда не видела’

Несмотря на кажущуюся носителям привычность, среди языков мира в целом подобная местоименно-аффиксальная стратегия является крайне редкой и в выборке А. Северской и Д. Баккера из 402 языков встречается только в Европе (германские, северные романские и восточнославянские языки), единичных австронезийских и папуасских языках [Siewierska 2004: 268]. Более поздние типологические обзоры выявили аналогичную модель лишь в некоторых языках коренных народов северной Америки и Африки [Dryer 2013] и чукотском языке [Luís, Spencer 2012: 142]. Самым же распространенным типом маркирования референции в языках мира является аффиксальная модель, при которой субъектные местоимения по умолчанию не выражаются эксплицитно, и референциальная функция осуществляется с помощью личных глагольных аффиксов (61% языков, согласно типологическому атласу WALS [Dryer 2013], включая тюркские, романские, западно- и южнославянские языки). Этот же тип по умолчанию характерен и для большинства современных финно-угорских языков⁶ ([Майтинская 1993: 29] — общие сведения; [Dryer 2013] — данные венгерского и удмуртского языков; [Privizentseva 2015] — мокшанского языка):

(4) Венгерский:

Egy könyv-et olvas-ok.
 INDEF книга-ACC.SG читать.PRS-1SG.INDEF
 ‘Я читаю книгу’

Аналогичный аффиксальный тип маркирования субъектной референции был характерен и для всех письменно засвидетельствованных древних индоевропейских языков — хеттского, санскрита, латинского, древнегреческого, в связи с чем он реконструируется и для протоиндоевропейского языка [Hopper 1975: 80; Adams, Mallory 2006: 60; Walkden 2014: 230]. Кроме того, данный референциальный тип был свойственен древнерусскому языку, где местоимения вплоть до конца XV в. употреблялись преимущественно в маркированных контекстах — в частности, как маркеры эмпазы, контраста; способы разрешения референциального конфликта и др. [Борковский, Кузнецов 2006: 323; Зализняк 2004: 170 и след.; Meyer 2011: 131].

Таким образом, можно говорить о том, что в истории русского языка произошел переход от типологически распространенной аффиксальной модели в сторону достаточно редкой местоименно-аффиксальной. Аналогичный переход, с учетом данных других языков финно-угорской ветви, по косвенным признакам можно предполагать и для ижорского и водского языков. С учетом общей типологической редкости местоименно-аффиксальной модели ее генезис представляет большой интерес.

Экспансии местоимений, произошедшей в истории русского языка, посвящена обширная литература, связывающая данное явление с перестройкой системы перфекта и именных клауз, утративших глагольные связи с личными аффиксами ([Jakobson 1971/1935; Meyer 2011; Kibrik 2013; Буденная 2017] и др.): *далъ есмь > я Ø_{cop} дал; князь есмь > я Ø_{cop} князь*. Однако для ижорского и водского языков субъектная референция в диахроническом аспекте ранее детально не исследовалась. В связи с этим в данной работе будет осуществлено диахроническое исследование субъектной референции в водском и ижорском языках на основании имеющихся ранних текстов XIX в., данных середины XX в. и современных данных. Работа будет построена следующим образом. В разделе 2 будут представлены собственно данные водского

⁶ Стоит отметить, что в ряде языков (финский [Vainikka, Levy 1999; Holmberg 2016], эстонский [Duvallon, Chalvin 2004], коми [Лыткин 1955: 210]) присутствует оппозиция 1-го/2-го vs. 3-го лица: в 1-м и 2-м лице субъектные местоимения в немаркированной позиции факультативны, а в 3-м лице, наоборот, по умолчанию употребляются. Во многих случаях наличие/отсутствие местоимения в финском языке зависит от комплекса синтаксических (главное/придаточное предложение, наличие антецедента в предыдущей клаузе) и дискурсивных факторов [Holmberg 2016]. Для нганасанского языка (самодийская группа) эксплицитно выраженное субъектное местоимение в большей степени коррелирует с тематической ролью субъекта [Wratil 2013: 248—262]. Для марийских языков, по-видимому, можно говорить об общей факультативности употребления местоимений при одновременном присутствии личных глагольных аффиксов [Майтинская 1993: 161]; точный список факторов, влияющих на наличие/отсутствие субъектного местоимения в этих языках еще остается предметом дальнейших исследований и выходит за рамки данной работы. Тем не менее ни один из этих языков не обнаруживает столь сильную тенденцию к доминированию местоименной модели во всех лицах, как водский и ижорский (см. раздел 3).

и ижорского языков, анализируемые в дальнейшей работе, а также методика исследования. Раздел 3 будет посвящен референциальной стратегии в современных водском и ижорском языках. В разделе 4 будет приведен обзор самых ранних данных XIX в. и их сравнение с современными данными. В разделе 5 будут проанализированы тексты середины XX в. и рассмотрены некоторые вопросы, связанные с общей интерпретацией полученных результатов. Раздел 6 будет посвящен возможным причинам экспансии местоимений, прослеживаемой в ижорском и водском языках.

2. Методика, материал и объем исследования

Все анализируемые в работе данные водского и ижорского языков относятся к трем синхронным временным срезам: 1) 2-я половина XIX в.; 2) середина XX в.; 3) современное состояние.

Первым в работе представлен современный срез, анализ данных которого послужил отправной точкой для последующего диахронического исследования. Далее представлен срез XIX в. — самых ранних письменно зафиксированных водских и ижорских данных. Такая структура работы позволяет сразу установить наиболее архаичную референциальную стратегию, фиксируемую по памятникам, и более четко отследить временные рамки референциальной перестройки в ижорском и водском языках. После среза XIX в. представлен срез середины XX в. Данные этого периода позволяют установить более частные особенности экспансии местоимений, характеризующие как водский, так и ижорский язык в диахронической перспективе.

Следует отметить, что поскольку первые тексты на водском и ижорском языках относятся только к XIX в., ситуация в этих языках изначально отличается от восточнославянской картины, где самые древние тексты представлены XI—XII вв. и поэтому позволяют подробно отследить весь процесс экспансии местоимений⁷. Тем не менее известно, что за 120–150 лет, отделяющих современные данные от самых ранних водских и ижорских памятников, в грамматике этих языков произошел целый ряд изменений. В частности, в сойкинском диалекте ижорского языка было засвидетельствовано отмирание потенциала и форм императива 3-го лица, отеснение на языковую периферию форм перфекта и плюсквамперфекта (подробнее см. [Николаев 2001]). Несмотря на то, что данные процессы касаются морфологии, а не синтаксиса, в отношении последнего также можно предполагать определенные изменения за аналогичный период — в частности, референциальная модель с субъектным местоимением за это время вполне могла стать более частотной. Тем самым отдельный анализ данных XIX в. в работе представляется правомерным решением.

К итоговому анализу из всех текстов привлекались только финитные клаузы с редуцированным референтным субъектом (как выраженным, так и не выраженным эксплицитно). При этом не учитывались клаузы, представляющие собой сочинительное сокращение, а также те случаи, при которых неупотребление субъектного местоимения было бы невозможно (контрастивная позиция после противительных союзов). С учетом того, что клаузы с именным предикатом и аналитические перфектные модели типа (3с) встречались крайне редко, к непосредственному статистическому анализу были привлечены только финитные презентные и претеритные клаузы, составляющие основное ядро ижорской и водской глагольной систем⁸.

После извлечения все клаузы были распределены по восьми группам на основе трех бинарных признаков:

- Лицо субъекта (1-е/2-е vs. 3-е)
- Наличие/отсутствие субъектного местоимения (+/- pronoun)
- Время: презент vs. претерит (PRS/PST).

Затем с помощью статистических критериев для каждого из анализируемых лиц (1-е/2-е vs. 3-е) и времен проверялась гипотеза о преимуществе местоименно-аффиксальной стратегии над аффиксальной.

2.1. Водский язык

Исторически водский язык подразделялся на четыре диалекта: кривинский (вымер в XIX в. [Winkler 1997], восточноводский (утрачен во 2-й половине XIX в. [Ernits 2005: 87]), куровицкий, представля-

⁷ Для русского языка этот процесс фактически заканчивается к XVIII в. [Зализняк 2008: 256; Meyer 2011: 130].

⁸ В монографии Е. Б. Маркус и Ф. И. Рожанского, посвященной современному водскому языку, отмечается, что презент и имперфект (в нашей работе он проходит под общим термином «претерит») «являются наиболее употребительными и выражают основное противопоставление по времени: имперфект соответствует любому действию, относящемуся к прошлому, презент соответствует действию в настоящем или будущем» [Маркус, Рожанский 2017: 562]. Аналогичная картина характерна и для ижорского языка [Рожанский, Маркус 2012: 456].

ющий собой своего рода *mixed language* с ижорской лексикой и водской грамматикой, и западноводский, включающий в себя центральноводские (Котлы и соседние деревни) и нижнелужские говоры [Kuznetsova et al. 2015: 130]. В диахронической перспективе отследить все временные этапы экспансии местоимений оказалось возможным только на западноводских материалах, поскольку только по ним имеются данные как XIX в., так и XX—XXI вв.

В последние годы, однако, все чаще преобладает точка зрения о том, что различия между центральноводскими и нижнелужскими говорами достаточно велики — в частности, нижнелужские говоры испытали достаточно сильное влияние соседнего ижорского языка — и правильнее относить их к разным диалектам [Муслимов 2005; Ernits 2005: 75; Kuznetsova et al. 2015: 130; Маркус, Рожанский 2017: 18]. Это разделение было соблюдено и в данной работе применительно к периодам XIX и XX в.; в отношении современных данных разграничить диалекты уже не представлялось возможным, поскольку центральноводские говоры были утрачены в 1980-е гг. [Ernits 2005: 85, 87]. Таким образом, все анализируемые современные тексты на водском языке представляют собой нижнелужские говоры (деревни Краколье, Пески-Лужицы), а в водских текстах XIX—XX вв., помимо нижнелужских, фигурируют также центральноводские говоры (деревни Котлы, Корвитино, Бабино).

В качестве образцов современного водского языка к анализу были привлечены нарративы, собранные Е. Б. Маркус и Ф. И. Рожанским в ходе экспедиций 2000-х гг. (рассказы трех информантов K1, K2, L1, L4, L5, L6, L7 из монографии [Маркус, Рожанский 2017], все являются носителями нижнелужских говоров), а также шесть нарративов, собранных в ходе экспедиций Т. Б. Агранат (песочко-лужицкие записи 2, 3, 14; кракольские записи 1, 8, 12 из сборника [Агранат 2012]). Все нарративы отбирались по релевантности, а именно по наличию в них исследуемых референциальных моделей с редуцированным субъектом. Общий корпус современных водских данных, извлеченных из этих записей, составил 117 финитных клауз из монографии [Маркус, Рожанский 2017] и 115 финитных клауз из сборника [Агранат 2012].

Самыми ранними водскими данными, привлеченными к анализу, стали сказки *Nesterii* 'Нестор', *Pühä Kuisma* 'Святой Кузьма' и *Kuptsä Emmänä poika* 'Сын жены купца' из грамматики [Ahlqvist 1856], переведенные и глоссированные в [Агранат 2017]. Все эти сказки были записаны в деревне Котлы и представляют уже утраченный к настоящему времени котельский говор центральноводского диалекта. Наряду с ними как образец нижнелужских говоров к анализу была привлечена водская сказка о солдате, записанная О. А. Ф. Мустоненом в деревне Краколье (вод. *Jögöperä*) [Mustonen 1883: 144—150]. Несмотря на то, что жанр сказки формально мог отличаться от естественных нарративов (подробнее см. раздел 4), за неимением записей живой речи XIX в. было принято решение проанализировать сказки соответствующего периода, поскольку из имеющихся текстов⁹ только они обнаруживали наибольшую близость по своей структуре с нарративами XXI в. Общий объем релевантных финитных клауз, извлеченных из водских текстов XIX в., составил 271 единицу.

В качестве «промежуточных» временных данных середины XX в. были взяты образцы как нижнелужских, так и котельских говоров, записанных в конце 1920-х гг. в ходе экспедиции Я. Я. Ленсу [Ленсу 1930]. Для итогового анализа были выбраны следующие материалы:

1. Центральноводский диалект: рассказы В. Ф. Иовлева, К. В. Моисеевой (д. Корвитино); Т. В. Морозова, И. Агафонова, М. Кирсанова (д. Бабино).
2. Нижнелужский диалект: рассказы И. Ф. Терентьева (д. Нижняя Лужица); Л. Г. Гаврилова, К. Т. Леонтьева (д. Пески); А. Г. Голубцова, Л. В. Семенова (хутора Межники).

Общий объем релевантных финитных клауз, извлеченных из центральноводских записей, составил 225 единиц, из нижнелужских — 60 единиц. Такая количественная разница обусловлена тем, что среди нижнелужских записей встретилось значительно меньше релевантных моделей, чем в центральноводских текстах, и в связи с этим к анализу были привлечены все имеющиеся нижнелужские записи [Ленсу 1930], тогда как среди центральноводских текстов из этого же сборника для анализа была взята только часть данных (преимущественно тексты, содержащие рассказы от 3-го лица).

2.2. Ижорский язык

Исторически ижорский язык был представлен четырьмя диалектами — оредежским, хэваским, нижнелужским и сойкинским, из которых к настоящему времени сохранились только два последних [Kuznetsova et al. 2015: 131]. Тем не менее детально проследить становление современной референциальной стратегии оказалось возможным только на материале сойкинского диалекта, поскольку единст-

⁹ Другие водские тексты XIX в. (все они опубликованы в [Mustonen 1883]) представляют собой переводы глав Евангелия, а также загадки, песни и мини-диалоги с преимущественно односложными ответами.

венный оригинальный памятник ижорского языка, сохранившийся с XIX в., — сказка «Золотая птица» из В. Поркки [Porkka 1885] — отражает центральные говоры сойкинского диалекта (место записи — деревня *Tarinaissi* (Андреевщина)). В связи с этим все ижорские тексты, анализируемые в данной работе, представляют собой именно сойкинский диалект. Сказка «Золотая птица» [Porkka 1885], переведенная и глоссированная в [Рожанский, Маркус 2012], была привлечена к анализу как единственный сохранившийся ижорский памятник XIX в. Объем извлеченных релевантных финитных клауз из «Золотой птицы» составил 92 единицы.

Что же касается более поздних текстов, в отношении ижорского языка примечательно, что, несмотря на несколько большую престижность, связанную с изначально большим числом носителей по сравнению с водским (к концу XIX в. ижора трехкратно превышала водь [Kuznetsova et al. 2015: 156]) и кратким периодом преподавания в школах в 1930-е гг., в период первой половины XX в. материалов на ижорском языке было опубликовано существенно меньше, чем на водском. Большинство ижорских текстов этого времени составляют учебные пособия. В 1944 г. в Финляндии была издана монография по фонетике ижорского языка [Sovijärvi 1944], в которую вошли три ижорские сказки — упомянутая выше «Золотая птица» и две переводные сказки с карельского языка, которые не анализировались в данном исследовании в силу возможных калек языка-оригинала и собственно жанра: в отличие от XIX в., в XX в. на ижорском языке были записаны не только сказки, но и другие тексты, структурно более близкие современным нарративам.

В этой связи в качестве ижорского материала XX в. было решено включить в рассмотрение данные носительницы Крестины Андреевой, записанные П. Аристе в 1957 г. [Ariste 1960]. Несмотря на то, что эти данные датируются уже второй половиной XX в., они представляют собой самые ранние образцы живой ижорской речи, полученные непосредственно от носительницы языка, и относятся к тому же сойкинскому диалекту, что и сказка «Золотая птица» [Porkka 1885]. Согласно данным П. Аристе, Кристина Андреева родилась и выросла в деревне *Saarove* (Югантово), затем вышла замуж и большую часть жизни провела в соседней деревне *Tarinaissi* (Андреевщина) [Ariste 1960: 8], где ранее в конце XIX в. как раз была записана вышеупомянутая сказка. В итоговую выборку в качестве образцов ижорской речи XX в. вошли семь нарративов К. Андреевой (№№ 1—6, 14 в записи [Ariste 1960]). Общий объем клауз, извлеченных из этих текстов, составил 61 единицу.

3. Анализ данных: современная ситуация

Как видно из примеров (1—2), в современном водском и ижорском языках субъектное местоимение может как присутствовать, так и опускаться. Для более точной оценки был проведен статистический анализ имеющихся данных (полевые записи Ф. И. Рожанского и Е. Б. Маркус 2011 г.¹⁰ для ижорского, полевые записи Ф. И. Рожанского, Е. Б. Маркус [Маркус, Рожанский 2017]¹¹ и Т. Б. Агранат [Агранат 2012] для водского). Непосредственные количественные данные по всем этим моделям представлены в таблице 1:

Таблица 1. Современный водский и ижорский языки:
соотношение различных референциальных моделей по параметру (± субъектное местоимение)
в зависимости от лица и времени на основе данных полевых исследований

Тип модели	Водский язык, M&P 2017	%	Водский язык, [Агранат 2012]	%	Ижорский язык, M&P 2011	%
1-2 PRS +pronoun	24	67%	21	64%	46	46%
1-2 PRS -pronoun	12	33%	12	36%	54	54%
3 PRS +pronoun	4	50%	6	46%	31	97%
3 PRS -pronoun	4	50%	7	54%	1	3%
1-2 PST +pronoun	43	83%	30	73%	19	70%
1-2 PST -pronoun	9	17%	11	27%	8	30%
3 PST +pronoun	14	67%	18	64%	15	75%
3 PST -pronoun	7	33%	10	36%	5	25%
ВСЕГО	117	100%	115	100%	179	100%

¹⁰ Далее — M&P 2011.

¹¹ Далее — M&P 2017.

Попарный статистический анализ, примененный в отношении всех представленных в таблице 1 восьми групп клауз, подтвердил значимое (биномиальный критерий, $p\text{-value} < 0.05$) преобладание моделей с местоимением во всех исследуемых группах клауз в обоих языках, за исключением презентных клауз с субъектом 1-го/2-го лица в ижорском языке и презентных клауз с субъектом 3-го лица в водском языке, где имеющиеся количественные данные не позволяли говорить о преобладании какой-то одной из моделей. При этом не было выявлено никаких значимых различий между водскими данными (M&P 2017), с одной стороны, и [Агранат 2012], с другой стороны.

В то же время анализ практически не обнаружил существенных различий между частотностью каждой из стратегий в водском языке по сравнению с ижорским: единственное значимое различие (критерий χ^2 -квadrat, $p\text{-value} < 0.05$) было обнаружено в клаузах с субъектом 1-го и 2-го лица, где в ижорском языке местоименная модель представлена реже по сравнению с водским. При этом ижорские и водские количественные данные по соотношению местоименных и безместоименных моделей обнаружили значительное сходство с данными русского языка (от 2/3 до 3/4 клауз с местоимением, в зависимости от жанра текста, согласно данным [Kibrik 1996; Grenoble 2001]). В целом данный анализ позволил сделать вывод о том, что референциальная стратегия в современном ижорском и водском языках схожа с русской.

4. Данные XIX в.: обзор памятников и результаты их сопоставления с современными нарративами

4.1. Результаты анализа водских и ижорских текстов XIX в.

Общий объем релевантных клауз, извлеченных из текстов XIX в., составил 219 единиц для центральноводского диалекта (котельский говор), 52 единицы для нижнелужского диалекта водского языка (кракольский говор) и 92 — для ижорского языка. Весь анализ проводился по 8 моделям клауз, аналогично процедуре, примененной к современным данным (см. раздел 3).

Результаты анализа отразили следующую картину: и в водском языке (как в центральноводском, так и в нижнелужском диалекте), и в сойкином ижорском языке в сказках XIX в. в претеритных клаузах с субъектом 3-го лица констатируется преимущественно аффиксальная стратегия маркирования референции — тогда как в современном языке в этих моделях уже доминирует местоименно-аффиксальная модель (см. таблицы 2—3, значимое¹² изменение в субъектной референции 3-го лица выделено серым). Ситуация же в 1-м и 2-м лице остается без изменений — и в XIX, и в XX вв. в обоих языках в этих формах немаркированной является модель с субъектным местоимением. Тем самым, в истории водского и ижорского языков обнаруживается значимая экспансия местоимений 3-го лица (период XX в.). При этом данные нижнелужских и центральноводских говоров XIX в. еще не обнаруживают значимых различий относительно друг друга.

Таблица 2. Водский язык

	[Ahlqvist 1856], центр-вод. диалект	%	[Mustonen 1883], нижнелуж. диалект	%	M&P 2017, нижнелуж. диалект	%
1-2 PRS +pronoun	47	53%	16	67%	24	67%
1-2 PRS -pronoun	41	47%	8	33%	12	33%
3 PRS +pronoun	13	50%	4	67%	4	50%
3 PRS -pronoun	13	50%	2	33%	4	50%
1-2 PST +pronoun	21	60%	6	60%	43	83%
1-2 PST -pronoun	14	40%	4	40%	9	17%
3 PST +pronoun	25	38%	4	33%	14	67%
3 PST -pronoun	45	62%	8	67%	7	33%
ВСЕГО	219		52		117	

¹² Критерий χ^2 -квadrat, $p\text{-value} < 0.01$.

Таблица 3. Ижорский язык (сойкинский диалект)

	[Porkka 1885]	%	M&P 2011	%
1-2 PRS +pronoun	18	62%	46	46%
1-2 PRS -pronoun	11	38%	54	54%
3 PRS +pronoun	0	N/A	31	97%
3 PRS -pronoun	2	N/A	1	3%
1-2 PST +pronoun	8	50%	19	70%
1-2 PST -pronoun	8	50%	8	30%
3 PST +pronoun	9	20%	15	75%
3 PST -pronoun	36	80%	5	25%
ВСЕГО	92		179	

При этом, согласно полученной картине, в водском и ижорском языках XIX в. в субъектной референциальной модели 1-го/2-го vs. 3-го лица наблюдалась асимметрия, во многом противоположная той, что присутствует в современном финском и ряде других финно-угорских языков, где местоимения 3-го лица, в отличие от дейктических личных местоимений, практически не опускаются. В водских и ижорских сказках XIX в., наоборот, именно в 3-м лице в претерите, основной являлась стратегия без личного местоимения (8—9), тогда как в 1-м и 2-м лицах местоименная модель в большинстве контекстов доминировала:

(5) Водский язык, *Kuuptsa' Emmänä poika* 'Сын жены купца' [Ahlqvist 1856]:

Ø_{pro} ajđ-i-ø lawгаа-' tüwe oposee-'
 гнать-PST-3SG лавка-GEN.SG к лошадь-GEN.SG
 'Пригнал [он] к лавке лошадь'

(6) Ижорский язык, «Золотая птица» [Porkka 1885; Рожанский, Маркус 2012: 467]:

Ø_{pro} männ-i-t kolme-n kezen tē-dä mōdä
 идти-PST-3PL три-GEN между дорога-PTV.SG вдоль
 'Пошли они втроем по дороге'

Однако в связи с тем, что исследовались лишь сказочные нарративы, может возникнуть вопрос о том, правомерно ли переносить их данные на ижорский и водский языки XIX в. в целом, без поправок на жанр сказки, для которого может быть характерен свой собственный синтаксис. В рамках данной работы окончательно ответить на подобный вопрос нельзя, поскольку синтаксис сказок в языках мира в целом изучен мало и несистемно, а синтаксис отдельно взятых ижорских и водских сказок по сравнению с текстами других жанров, написанными на этих языках, не изучался вообще. Однако для данного исследования было принято решение посмотреть на ситуацию шире и изучить референциальную стратегию в сказках соседних языков — прежде всего в русских сказках, с целью обнаружения потенциальных отклонений от стандартного узуса. Результаты, полученные в ходе анализа русских сказок в сопоставлении с ижорскими и водскими, представлены ниже.

4.2. Сопоставительный обзор русских, водских и ижорских сказок XIX в.

Как уже отмечалось в разделе 4.1, синтаксис и, в частности, особенности референции в фольклорных текстах на данный момент фактически не изучались. В силу этого в данном разделе будут представлены лишь общие тенденции, выявленные в ходе статистического анализа данных одной русской, одной ижорской и трех водских сказок, а также их сопоставления с общими данными без детальных статистических подсчетов.

Из имеющихся немногочисленных работ по синтаксису фольклорной прозы в качестве самого объемного и релевантного для данного анализа можно отметить исследование [Борковский 1981], где сравниваются русские и белорусские сказки. И для тех, и для других в качестве характерных особенностей автор отмечает периодическое отсутствие местоимения 3-го лица — что, в свою очередь, совпадает с обнаруженной особенностью в ижорской и водских сказках. Так, в русских сказках подлежащее часто опускается в том случае, если оно совпадает с субъектом предыдущей клаузы [Борковский 1981: 9]:

(7) *Иван-царевич лежал мертв на том месте ровно тридцать дней*

(8) и в то время набежал на него **Серый Волк** и узнал¹³ по духу *Ивана-царевича*

(9) *Он* захотел помочь ему — ожить, да не знал, как это сделать.

(«Сказка об Иване-царевиче, Жар-птице и сером волке», сказка № 168 в записи А. Н. Афанасьева, 1873 г.).

Тем самым можно видеть, что тенденция к опущению местоимений 3-го лица, очевидно, является общей особенностью как русских, так и ижорских и водских народных сказок. С учетом этого факта, а также того, что сюжет ижорской сказки «Золотая птица» во многом повторяет сюжет приведенной в (7—9) русской «Сказки об Иване-царевиче, Жар-птице и сером волке», было решено проследить референциальную стратегию в этой сказке для сопоставления с ижорскими и водскими текстами того же времени.

Итоговый сравнительный статистический подсчет референциальных конструкций выявил значительно большее количество безместоименных моделей 3-го лица с глаголом в претерите в языке ижорских и водских сказок по сравнению с русской¹⁴ (χ -квадрат, p -value < 0.01):

Таблица 4

	Водский [Ahlqvist 1856]	%	Ижорский [Porkka 1885]	%	Русский, 1873 г.	%
3 PST +pronoun	25	38%	9	20%	22	73%
3 PST -pronoun	45	62%	36	80%	8	37%
ВСЕГО	70		45		30	

Данные русской сказки 1873 г. было решено сравнить с корпусными данными современного русского языка. В качестве последних был выбран корпус «Веселые истории из жизни»¹⁵ (далее — ВИЖ), представляющий из себя 20 устных и 20 письменных рассказов о какой-либо забавной истории из жизни говорящего. Аналогично процедуре, проведенной для текстов XIX в., из корпуса ВИЖ были извлечены все релевантные финитные клаузы с личным местоимением и без него (всего 857 клауз) и, в зависимости от лица субъекта, распределены по соответствующим колонкам. Затем соотношение местоименных и безместоименных клауз, полученное по данным корпуса ВИЖ, статистически сравнивалось с аналогичным соотношением, выявленным по данным сказки 1873 г., с целью потенциального обнаружения значимых различий.

Итоговые данные показали, что соотношение местоименных и безместоименных претеритных клауз с субъектом 3-го лица в русской сказке 1863 г. значительно отличалось от аналогичного соотношения в корпусе ВИЖ (χ -квадрат, p -value < 0.05):

Таблица 5

	Устный корпус ВИЖ	92%	Письменный корпус ВИЖ	79%	Сказка 1873 г.	
3 PST +pronoun	97	92%	60	79%	22	73%
3 PST -pronoun	8	8%	16	21%	8	37%

Можно видеть, что тенденция к анафорическому опусканию субъекта 3-го лица является общей как для ижорских и водских, так и для русских сказок, однако в ижорских и водских сказках она проявляется значительно сильнее, чем в русской сказке (см. таблицу 4). В силу этого можно допустить, что подобная тенденция к аффиксальной стратегии в 3-м лице в ижорском и водском языках XIX в. была характерна не только для сказок, но и для референциальной модели в целом. Однако особый интерес представляют промежуточные с хронологической точки зрения данные первой половины и середины XX в.: в случае обнаружения модели, аналогичной той, что была обнаружена в сказках XIX в., вывод о ее значимом присутствии в ижорском и водском языке соответствующего времени получит дополнительное подтверждение. Для проверки этого тезиса в разделе 5 будут представлены результаты анализа нескольких водских нарративов, записанных Я. Я. Ленсу в 1927—1928 гг., и ижорских рассказов, записанных П. Аристе в 1957 г.

¹³ Сочинительное сокращение в составе одного предложения в анализе не учитывалось (см. раздел 2), поэтому синтаксический ноль перед глаголом второй клаузы во всех подобных примерах не ставился.

¹⁴ «Сказка об Иване-царевиче, Жар-птице и сером волке» (№ 168 в сборнике А. Афанасьева, 1873 г.)

¹⁵ <http://spokencorpora.ru/showcorpus.py?dir=02funny>

5. Данные середины XX в. в контексте более ранних и современных данных

5.1. Водские данные

В качестве источника водского языка 1-й половины XX в. были взяты записи центральноводских и нижнелужских записей, сделанных в 1920-х гг. экспедицией Я. Я. Ленсу (225 вхождений для центральноводского диалекта, 60 вхождений для нижнелужского, см. раздел 2). Все извлеченные клаузы были распределены по временам и лицам, аналогично процедуре, проводимой для текстов XIX в. и современных данных. Итоговый сравнительный статистический подсчет референциальных конструкций выявил значимо большее количество безместоименных моделей 3-го лица с глаголом в претерите в нижнелужском диалекте 1920-х гг. по сравнению с центральноводским диалектом того же времени (χ -квадрат, p -value < 0.01), см. таблицу 6. К сожалению, на данный момент нельзя однозначно сказать, является ли данное различие чисто диалектным или, скорее, идиолектным, поскольку основной объем клауз с редуцированным субъектом 3-го лица был получен только от двух носителей нижнелужского диалекта водского языка, Л. Г. Гаврилова и Л. В. Семенова. Однако за неимением других данных этого же времени и диалектный, и идиолектный сценарий были учтены как возможные.

Таблица 6

	[Ahlqvist 1856], центр.-вод. диалект	%	[Mustonen 1883], н.-луж. диалект	%	1927—1928, н.-луж. диалект	%	1927—1928, центр.-вод. диалект	%
1-2 PRS +pronoun	47	53%	16	67%	7	78%	49	64%
1-2 PRS -pronoun	41	47%	8	33%	2	22%	27	36%
3 PRS +pronoun	13	50%	4	67%	2	67%	3	43%
3 PRS -pronoun	13	50%	2	33%	1	33%	4	57%
1-2 PST +pronoun	21	60%	5	56%	16	58%	58	50%
1-2 PST -pronoun	14	40%	4	44%	12	42%	57	50%
3 PST +pronoun	25	38%	4	33%	7	35%	21	78%
3 PST -pronoun	45	62%	8	67%	13	65%	6	22%
Всего	219		51		60		225	

Фактически, тексты нижнелужских записей 1920-х гг. не обнаружили значимых различий по сравнению с тремя водскими сказками XIX в. В обеих группах текстов в 1-м и 2-м лице преобладает местоименная модель, тогда как в 3-м лице в претерите доминирует модель с опущением местоимения. Этот факт представляется достаточно весомым для подтверждения более общей гипотезы о наличии этой модели в водском языке XIX в. в целом.

Однако центральноводские записи того же времени (в случае трактовки результатов 1920-х гг. как диалектного состояния) уже не демонстрируют этой асимметрии: в них во всех лицах преимущественно доминирует (за исключением 3-го лица с глаголом в презенсе, где не обнаружилось достаточного количества данных) модель с эксплицитно выраженным местоимением. С учетом этих данных вероятно, что развитие местоименной стратегии в водских диалектах могло идти с разной скоростью — в центральноводских говорах, по-видимому, значительно быстрее, чем в нижнелужских. В случае такого исхода появляется дополнительный аргумент в пользу того, что центральноводские говоры не следует объединять с нижнелужскими: помимо фонетики и морфологии, различия между ними прослеживаются и в синтаксисе. Окончательный ответ на вопрос о природе различий в референциальной стратегии в водских диалектах 1920-х гг. (идиолектная vs. собственно диалектная особенность) поможет дать анализ новых данных.

5.2. Ижорские данные

В качестве образцов ижорской речи XX в. в выборку вошло семь нарративов К. Андреевой (№№ 1—6, 14 в записи [Ariste 1960]). Общий объем клауз, извлеченный из этих текстов, составил 61 единицу. Все они были распределены по лицам и временам, аналогично остальным анализируемым данным, и сопоставлены с данными сказки 1885 г., с одной стороны, и современными данными 2011 г., с другой стороны, см. таблицу 7.

Итоговый анализ показал, что в претеритных клаузах с субъектом 3-м лице, извлеченных из нарративов К. Андреевой, местоимения преимущественно опускаются, аналогично сказке XIX в. Статистически

Таблица 7

	1885 г., вхождений	%	1957 г., вхождений	%	2011 г., вхождений	%
1-2 PRS +pronoun	18	62%	2	50%	46	46%
1-2 PRS -pronoun	11	38%	2	50%	54	54%
3 PRS +pronoun	0	N/A	0	N/A	31	97%
3 PRS -pronoun	2	N/A	0	N/A	1	3%
1-2 PST +pronoun	8	50%	13	41%	19	70%
1-2 PST -pronoun	8	50%	19	59%	8	30%
3 PST +pronoun	9	20%	6	24%	15	75%
3 PST -pronoun	36	80%	19	76%	5	25%
ВСЕГО	92		61		179	

данное соотношение значимо (χ -квадрат, p -value < 0.01) отличается от современной ситуации, где местоимения уже в большинстве случаев не опускаются. При этом в рассказах К. Андреевой выявилась другая особенность: помимо 3-го лица, в претеритных клаузах субъектные местоимения преимущественно опускались и в 1-м/2-м лицах (см. таблицу 7, выделено серым). Можно предположить, что в случае К. Андреевой выбору безместоименной стратегии по ходу всех рассказов способствовали дополнительные дискурсивные факторы; нельзя также исключать того, что это в целом являлось особенностью ее идиолекта. Однако и здесь можно видеть большой процент безместоименных моделей в 3-м лице по сравнению с остальными.

Таким образом, ижорские данные XX в., как и водские, подтверждают гипотезу об имевшейся асимметрии 1-го/2-го vs. 3-го лица в референциальной стратегии этих языков XIX — начала XX вв.

6. Возможные причины экспансии местоимений в ижорском и водском языках в типологическом контексте

6.1. Замечания об асимметрии субъектной референции 1-го/2-го vs. 3-го лица в языках мира

Согласно текстам XIX—XX вв., в истории водского и ижорского языков восстанавливается асимметрия 1-го/2-го vs. 3-го лица в субъектной референциальной стратегии: в 1-м и 2-м лицах с глаголом в претерите местоимения преимущественно употребляются, тогда как в 3-м лице они, наоборот, чаще опускаются:

(10) Водский, нижнелужский диалект:

a. *miä tul-i-n kotõ*
1SG приходить-PST-1SG дом.ILL.SG
'Я пришла домой' [Ленсу 1930: 303]

b. *mis siä e-t tul-ли mejzā?*
что 2SG NEG-2SG приходить-PTCP.ACT мыза.ILL.SG
'Почему (букв. «что») ты не пришел на мызу?' [Ленсу 1930: 298]

c. *siälä pit-i-ø*
там держать-PST-3SG
'Там [он] держал' [Ленсу 1930: 298]

Однако в контексте других финно-угорских языков эта модель является достаточно редкой. Как уже отмечалось ранее, для многих из них в немаркированных контекстах преимущественно характерна либо безместоименная аффиксальная стратегия во всех лицах (венгерский, мордовский, удмуртский), либо — факультативно — в 1-м и 2-м лицах, в противоположность 3-му лицу, где местоимения обычно употребляются (финский, эстонский [Vainikka, Levy 1999; Duvallon, Chalvin 2004; Holmberg 2016]):

(11) Финский:

a. *Minä/Ø_{pro} puhu-i-n suome-a*
я говорить-PST-1SG финский-PTV
'Я говорил по-фински'

- b. *Sinä/Ø_{pro} puhu-i-t* *suome-a*
 говорить-PST-2SG финский-PTV
 ‘Ты говорил по-фински’
- c. *Hän /*Ø_{pro} puhu-i-ø* *suome-a*
 3SG говорить-PST-3SG финский-PTV
 ‘Он(а) говорил(а) по-фински’

По сути, стратегия, представленная в ижорском и водском языках XIX — начала XX вв., является «обратной» по отношению к финской и эстонской. С учетом такой внешней необычности ее наличие в других языках, за пределами уральской семьи, представляет отдельный интерес.

Можно отметить, что в языках мира в целом модель с опусканием местоимений 3-го лица, в противоположность 1-му и 2-му лицам, не является исключительно редкой. В частности, она представлена в древневерхненемецких текстах IX в. (Монзейские фрагменты, переводные трактаты Исидора и Татиана) [Axel 2007: 314]. Эти тексты являются самыми ранними и вместе с тем последними памятниками древневерхненемецкого языка, где еще отражаются следы архаичной индоевропейской безместоименно-аффиксальной стратегии. В этой связи показательно, что в истории немецкого языка прослеживается ровно тот же путь референциальной перестройки, как и — предположительно — в ижорском и водском языках: ранее всего субъектные местоимения становятся обязательными в 1-м и 2-м лицах, а в 3-м лице устанавливаются позднее.

Эти данные указывают на общую теоретическую возможность такого развития событий и, с учетом эмпирических данных, позволяют на данном этапе предполагать этот путь для ижорского и водского языков.

Вместе с тем возникает неизбежный вопрос о возможных причинах произошедшей экспансии местоимений 3-го лица в этих языках. Для этого представляется необходимым рассмотреть внутриязыковые и внешние факторы, которые потенциально могли способствовать такому развитию событий. В связи с этим ниже будет предварительно рассмотрен аналогичный процесс в других документированных языках.

6.2. Внутриязыковые причины экспансии местоимений

Экспансия местоимений, схожая с той, которая была обнаружена в водском и ижорском языках, имела место в германских и восточнославянских языках. Причины экспансии местоимений в этих языках традиционно связываются с утратой личных глагольных аффиксов, сделавшей однозначную идентификацию субъекта невозможной и повлекшей за собой распространение нового аналитического показателя — личного местоимения¹⁶. Диахронические данные ряда германских языков подтверждают эту гипотезу (см., в частности, [van Gelderen 2013] для английского). Впоследствии для языков типа немецкого, имеющих местоименную референциальную стратегию, но при этом сохранивших лично-числовую флексию (12), эта гипотеза была уточнена Г. Мюллером [Müller 2005], который обратил внимание на системный синкретизм некоторых глагольных форм (таблица 8):

(12) Немецкий (Philip Poisel, “Wie soll ein Mensch das ertragen”):

Ich führ-e dich wohin du will-st
 1SG вести.PRS-1SG 2SG.ACC куда 2SG хотеть.PRS-2SG
 ‘Я веду тебя, куда ты хочешь’

Таблица 8. Немецкий язык, спряжение глагола *laufen* ‘бегать’

	PRS
1SG	<i>ich lauf-e</i>
2SG	<i>du läuf-st</i>
3SG	<i>er/sie/es läuf-t</i>
1PL	<i>wir lauf-en</i>
2PL	<i>ihr lauf-t</i>
3PL	<i>sie lauf-en</i>

¹⁶ Взаимосвязь между дифференцированной личной глагольной флексией и отсутствием эксплицитно выраженного личного местоимения широко освещалась как в генеративных [Taraldsen 1978; Rizzi 1986; Roberts 2014], так и в функционалистских работах [Siewierska 2004].

Сопоставляя подобный синкретизм личных аффиксов с обязательной местоименной стратегией, Г. Мюллер [Müller 2005: 10] предложил этому следующее объяснение: финитная вершина, ранее позволявшая идентифицировать референта (у Мюллера — нулевое личное местоимение *pro*), в ходе развития системного синкретизма окончаний подверглась обеднению¹⁷, нейтрализовавшему его (отдельные) согласовательные признаки. В силу этого в немецком языке условий для нулевой единицы нет, и поэтому возникли условия для развития стратегии с эксплицитно выраженным субъектным местоимением. Диакронические данные немецкого языка действительно подтверждают эту гипотезу: согласно [Axel 2007: 322], утрата противопоставления 1PL и 3PL приходится на окончание древневерхнемецкого периода, и именно за ней следует, согласно этим же данным, экспансия выраженных личных местоимений¹⁸. Развитие местоименной стратегии в истории русского языка имеет схожую природу и, согласно ряду исследований [Зализняк 2008; Meyer 2011; Буденная 2017], восходит к утрате глагольных связей в перфекте и именных клаузах, ранее содержавших дифференцированную лично-числовую флексию.

Однако для ижорского и водского языков, в отличие от восточнославянских и германских, никакого синкретизма глагольных аффиксов не прослеживается. На данный момент и в водском, и в ижорском языках финитный глагол имеет дифференцированную систему личных окончаний без признаков системного совпадения в каких-либо лицах:

Таблица 9. Водский язык, система личных форм финитного глагола [Лаанест 1993: 53]

1SG	-n
2SG	-d
3SG	-b (в презенсе)/-ø (в претерите)
1PL	-mma/-mmä
2PL	-tta/-ttä
3PL	-vad/-väd

Таблица 10. Ижорский язык, сойкинский диалект, система личных форм финитного глагола [Markus, Rozhanskiy (in print)]

	sg	pl
1	-n	-mma/-mmä
2	-d	-tta/-ttä
3	PRS	-b
		-vad/-väd
		-jaa/jää
		-jaad/-jääd
		Ø
		-d
	PST	Ø
		-vad/-väd
		-d

Тем самым, можно видеть, что внутриязыковой сценарий с утратой аффиксов не подходит для объяснения экспансии местоимений в водском и ижорском языках. С учетом этих данных представляется правомерным говорить о том, что причина перестройки субъектной референциальной модели в ижорском и водском, по всей вероятности, не была вызвана внутренними причинами. Ниже будут рассмотрены внешние факторы, которые могли бы быть способны ее спровоцировать. Предварительно будет дан краткий обзор современной социолингвистической ситуации для рассматриваемых языков.

6.3. Ареальное влияние как причина экспансии местоимений

На данный момент все носители водского и ижорского языков являются двуязычными (второй язык — русский). Сами же ижорский и водский языки включены ЮНЕСКО в Атлас исчезающих языков мира¹⁹

¹⁷ Термин восходит к концепции распределенной морфологии [Halle, Marantz 1993].

¹⁸ Любопытно, что в той же работе [Axel 2007: ch 6] происходит параллельный поиск причины немецкой экспансии местоимений, и, несмотря на обнаружение автором «состыковки» частичной утраты глагольной парадигмы и последующей экспансии местоимений, последнее не признается убедительным основанием для причинно-следственной связи, поскольку, согласно более раннему подходу [Rizzi 1986], для распространения немаркированных субъектных местоимений должна произойти полная утрата глагольной парадигмы, а в немецком она «не была столь существенной» [Axel 2007: 323]. В конечном итоге, проанализировав разные другие теоретически возможные причины экспансии местоимений, неубедительные на немецком материале, автор приходит к выводу о том, что изначальная причина по-прежнему остается «открытой» [Axel 2007: 327].

¹⁹ <http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php?hl=en&page=atlasmap>

с пометами *severely endangered* и *critically endangered* соответственно. Все носители обоих языков являются уже пожилыми людьми и, по самым оптимистичным данным, их число не превышает 5 человек для водского языка и 20 — для ижорского [Rozhanskiy, Zhivlov 2019: 83].

Обнаруженная нами экспансия местоимений 3-го лица в водском и ижорском языках приходится на период XX в. — время массового перехода носителей этих языков на русский. Так, если на момент середины XIX в. (время записи проанализированной нами ижорской сказки «Золотая птица» [Porkka 1885]) ижорцы еще в массе своей были одноязычными [Николаев 2002: 76], хотя язык их уже содержал многочисленные заимствования из русского [Örik 1970: 64], то с началом 1930-х гг. в связи с резким поворотом государственной политики происходит их интенсивная русификация. Открытые в начале 1920-х гг. немногочисленные школы, где велось преподавание на ижорском языке, к середине 1930-х гг. были закрыты, а почти все преподаватели репрессированы [Мусаев 2004: 303]. Последующая Великая Отечественная Война и осуществленное в 1943 г. по инициативе «сверху»²⁰ переселение ингерманландских народов в Финляндию привели к колоссальному сокращению ижорского населения. В силу этого в бывших моноэтнических ижорских деревнях стали селиться русские жители, возросло количество межнациональных браков, и на протяжении всей своей дальнейшей истории ижорский язык активно вытеснялся более престижным русским языком — что и привело в конечном счете к постепенному вымиранию первого.

Для водского языка приходится говорить об аналогичном процессе, с поправками на то, что сокращение числа носителей здесь происходило значительно быстрее: уже в 1922 г. лингвист водского происхождения Д. П. Цветков отмечал, что «большинство людей утратило свой “материнский язык”, заменив его сильным, красочным русским языком, и для молодого поколения “ваддылайсийи чээли” [вод. ‘водский язык’. — Е. Б.] является почти китайской грамотой» [Tsvetkov 2008/1922: 4], см. также [Kuznetsova et al. 2015: 154]. Во многом этот факт обуславливался тем, что, помимо собственно русского языка, водский язык вытеснялся также и соседним ижорским: в отличие от последнего, водский всегда был бесписьменным языком и по сравнению с ижорским (не говоря уже о русском) всегда считался менее престижным. В силу этого при межнациональных браках, достаточно часто имевших место между ижорой и водью, супруги, как правило, оба переходили на ижорский язык, и многие исконно водские земли постепенно становились ижорскими. Репрессии против коренного населения Ингерманландии печально отразились и на численности носителей водского языка, которых изначально было значительно меньше, чем ижорцев.

С точки зрения типа контактов, происходившими между русскими, водью и ижорой после 1930-х гг., можно говорить о резком переходе последних двух народов на русский язык, причем в первую очередь речь идет о массово возросших контактах между взрослыми носителями. Эти параметры языковых изменений, согласно П. Традгилу [Trudgill 2011], свидетельствуют о тенденции языкового изменения в сторону уменьшения сложности. Появление дополнительных субъектных местоимений 3-го лица, по аналогии с ранее распространившимися местоимениями 1-го и 2-го лиц, может служить примером «упрощения» языковой системы, вызванного подобным типом контакта. Тем самым прослеживаемая референциальная перестройка в малых прибалтийско-финских языках с достаточной вероятностью объясняется внешними факторами, а именно влиянием соседнего русского языка.

Тем самым наблюдаемая референциальная перестройка в малых прибалтийско-финских языках с достаточной вероятностью может объясняться внешним контактом. В этой связи более быстрая экспансия местоимений в водском языке (полное доминирование местоименной стратегии в центральноводском диалекте уже в начале XX в.) могла быть вызвана тем, что у воды, в отличие от сойкинской ижоры, были более интенсивные контакты с русским населением [Kuznetsova et al. 2015: 155].

Центральноводский диалект, в отличие от нижнелужского, практически не подвергался влиянию ижорского и в основном контактировал с русским языком, в силу чего заимствование соответствующей местоименной стратегии могло проходить в нем быстрее. Более медленное течение этого процесса в нижнелужском диалекте, зафиксированное в конце 1920-х гг., могло быть связано с некоторым влиянием соседнего ижорского языка, где экспансия местоимений в целом шла медленнее.

²⁰ Несмотря на то, что официально переселение считалось «добровольным», все бывшие участники соответствующих событий сообщали ученым, что на принудительный переезд им отводилось 24 часа ([Kuznetsova et al. 2015: 157—158]; см. также воспоминания очевидицы [Филатова 2003]). Впоследствии в ходе депортации многие погибли в эстонском концлагере Клоога, а в 1944 г., когда было разрешено вернуться на территорию СССР, селиться на прежних территориях официально запрещалось [Kuznetsova et al. 2015: 158].

7. Заключение

В статье был подробно рассмотрен процесс экспансии местоимений в истории водского и ижорского языков — двух малых языков прибалтийско-финской группы, находящихся под угрозой исчезновения. Этот процесс был рассмотрен для глагольных клауз; гипотеза о потенциальной роли именных клауз в процессе экспансии местоимений не рассматривалась в силу недостаточного количества именных клауз в исследуемых текстах. Было установлено, что в самых ранних водских и ижорских текстах (сказках, записанных во второй половине XIX в.) в претеритных клаузах наблюдается асимметричная референциальная стратегия: в 1-м и 2-м лицах доминирует модель с использованием субъектного местоимения, тогда как в 3-м лице местоимения преимущественно опускаются. Данная модель отличается от современной, где эксплицитно выраженные местоимения доминируют уже во всех лицах, однако факт ее наличия именно в сказках вызывал некоторые сомнения в правомерности постулирования ее для ижорского и водского языка XIX в. в целом. Для проверки этого тезиса данные сказок были сопоставлены с данными более поздних ижорских и водских нарративов середины XX в., записанных в ходе бесед с информантами. Анализ подтвердил аналогичную асимметрию в этих текстах и вместе с тем предварительно показал, что в разных диалектах водского языка экспансия шла с разной скоростью: в центральноводских говорах местоименная модель к 1920-м гг. уже доминировала во всех лицах, тогда как в нижнелужских еще сохранялась асимметрия, характерная для сказок XIX в.

Наиболее правдоподобными причинами экспансии местоимений представляются внешние контакты с носителями русского языка, массово возросшие в период XX в. (особенно после 1930-х гг.). Данный тип заимствования — распространение субъектных местоимений 3-го лица по аналогии с ранее распространенными местоимениями 1-го и 2-го лиц — может рассматриваться как пример упрощения языковой сложности в результате языкового контакта [Trudgill 2011]. Разница между водскими диалектами также может объясняться с этих позиций: к 1920-х гг. центральноводские говоры в значительно большей мере контактировали с русским языком, чем нижнелужские, где наблюдалось дополнительное влияние ижорского языка. Обнаруженные явления вносят вклад как в исследования отдельно взятых малых прибалтийско-финских языков, синтаксис которых на данный момент еще не исследован полностью, так и в общую типологию языковых контактов.

Сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	NOM — номинатив
ACC — аккузатив	PL — множественное число
ACT — активный залог	PRS — настоящее время
GEN — генитив	PST — прошедшее время
ILL — иллатив	PTCP — страдательное причастие
INDEF — неопределенность	PTV — партитив
NEG — отрицание	SG — единственное число

Литература

- Агранат 2012 — Агранат Т. Б. Водские тексты с поморфемной нотацией. М., 2012. {*Agranat T. B. Votic texts with morpheme-by-morpheme glossing. M., 2012.*}
- Агранат 2017 — Агранат Т. Б. (отв. ред.) Две первые грамматики водского языка. СПб., 2017. {*Agranat T. B. (chief ed.) Two first grammar books of Votic. Saint-Petersburg, 2017.*}
- Борковский 1981 — Борковский В. И. Синтаксис сказок: русско-белорусские параллели. М., 1981. {*Borkovskiy V. I. Syntax of fairy-tales: Russian-Belorussian parallels. M., 1981.*}
- Борковский, Кузнецов 2006 — Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 2006. {*Borkovskiy V. I., Kuznetsov P. S. Historical grammar of the Russian language. M., 2006.*}
- Буденная 2017 — Буденная Е. В. Экспансия местоимений в истории русского языка: точка отсчета // Четырнадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Санкт-Петербург, 23—25.11.2017. Тезисы докладов. СПб., 2017. С. 18—20. {*Budennaya E. V. Expansion of pronouns in the history of Russia: starting point // Proceedings of the 14th conference on typology and grammar for young researchers. Saint-Petersburg, 23—25.11.2017. SPb., 2017. P. 18—20.*}
- Зализняк 2004 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004. {*Zalizniak A. A. Old Novgorod dialect. M., 2004.*}

- Зализняк 2008 — *Зализняк А. А.* Древнерусские энклитики. М., 2008. {*Zalizniak A. A.* Old Russian enclitics. M., 2008.}
- Лаанест 1993 — *Лаанест А.* Водский язык // Языки мира. Уральские языки / Гл. ред. Ярцева В. Н. М., 1993. С. 48—55. {*Laanest A.* Votic // Languages of the world. The Uralic languages / Chief ed. Yartseva V. N. M., 1993. P. 48—55.}
- Ленсу 1930 — *Ленсу Я. Я.* Материалы по говорам воды // Западно-финский сборник / Ред. Бартольд В. В. Л., 1930. С. 201—305. {*Lensu Ya. Ya.* Materials on dialects of the Votic // North-Finnic collection / Ed. Bartold V. V. Leningrad, 1930. P. 201—305.}
- Лыткин 1955 — *Лыткин В. И.* (ред.). Современный коми язык. Часть первая. Фонетика. Лексика. Морфология. Сыктывкар, 1955. {*Lytkin V. I.* (ed.). Contemporary Komi. Part One. Phonetics. Lexicon, Morphology. Syktyvkar, 1955.}
- Майтинская 1993 — *Майтинская К. Е.* Финно-угорские языки // Языки мира. Уральские языки / Гл. ред. Ярцева В. Н. М., 1993. С. 20—31. {*Maitinskaya K. E.* Finno-Ugric languages // Languages of the world. The Uralic languages / Chief ed. Yartseva V. N. M., 1993. P. 20—31.}
- Маркус, Рожанский 2017 — *Маркус Е. Б., Рожанский Ф. И.* Современный водский язык: тексты и грамматический очерк. М., 2017. {*Markus E. B., Rozhanskiy F. I.* Contemporary Votic: texts and grammatical description. M., 2017.}
- Мусаев 2004 — *Мусаев В. П.* Политическая история Ингерманландии в конце XIX — XX веке. СПб., 2004. {*Musaev V. P.* Political history of Ingria in the late 19th — early 20th centuries. SPb., 2004.}
- Муслимов 2005 — *Муслимов М. З.* Языковые контакты в Западной Ингерманландии (нижнее течение реки Луги). Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. СПб., 2005. {*Muslimov M. Z.* Language contacts in West Ingria (lower Luga region). Doctor of Philosophy thesis: 10.02.20. SPb., 2005.}
- Николаев 2001 — *Николаев И. С.* Основные тенденции в изменении грамматической системы ижорского языка в течение XX века // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum 7—13.8.2000. Tartu. Part V. Dissertationes sectionum. Linguistica II. Tartu, 2001. С. 449—453. {*Nikolaev I. S.* Main tendencies of change in grammar system of Ingrian in the course of the 20th century // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum 7—13.8.2000. Tartu. Part V. Dissertationes sectionum. Linguistica II. Tartu, 2001. P. 449—453.}
- Николаев 2002 — *Николаев И. С.* Отмирание языка: на материале сойкинского диалекта ижорского языка. Дисс. ... канд. филологических наук: 10.02.19. СПб., 2002. {*Nikolaev I. S.* Language fading: on the materials of the Soikkola dialect of Ingrian. Doctor of Philosophy thesis: 10.02.19. SPb., 2002.}
- Рожанский, Маркус 2012 — *Рожанский Ф. И., Маркус Е. Б.* «Золотая птица» (публикация ижорской сказки, записанной в XIX веке) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2012. Т. VIII. Ч. 1. С. 448—503. {*Rozhanskiy F. I., Markus E. B.* “The golden bird” (publication of an Ingrian folktale collected in the 19th century) // Acta Linguistica Petropolitana. Papers of the Institute for Linguistic Studies RAS. 2012. Vol. VIII. Part 1. P. 448—503.}
- Филатова 2003 — *Филатова Е. Н.* Детство, опаленное войной. СПб., 2003. {*Filatova E. N.* Childhood burnt by war. SPb., 2003.}
- Adams, Mallory 2006 — *Adams D. Q., Mallory J. P.* The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and Indo-European World. Oxford, 2006.
- Ahlqvist 1856 — *Ahlqvist A.* Wotisk grammatik jemte sprakprof och ordforteckning. Helsingfors, 1856. (Acta Societatis Scientiarum Fennicae VI).
- Ariste 1960 — *Ariste P.* Isuri keelenäiteid // Keele ja kirjanduse instituudi uurimused V. 1960. P. 7—68.
- Axel 2007 — *Axel K.* Studies in Old High German syntax. Left sentence periphery, verb Placement and verb-second. Amsterdam, 2007.
- Dryer 2013 — *Dryer M.S.* Expression of Pronominal Subjects // World Atlas of Language Structures. The Interactive Reference Tool / Eds. Haspelmath M. et al. Munich, 2011. Chapter 101, <http://wals.info/feature/101A>
- Duvallon, Chalvin 2004 — *Duvallon O., Chalvin A.* La réalisation zéro du pronom sujet de première et de deuxième personne du singulier en finnois et en estonien parlés // Linguistica Uralica. 2004, 40 (4) P. 270—286.
- Ernits 2005 — *Ernits E.* Vadja keele varasemast murdeliigendusest ja hilisemast haabumisest // Piiri-kultuuriq ja -keeleq. Konvorentá Kurgjarvel, 21—23 rehekuu 2004. Toim.K. / Eds. Pajusalu K., Rahman J. Võro, 2005. P. 76—90.
- van Gelderen 2013 — *van Gelderen E.* Null subjects in Old English // Linguistic Inquiry. 2013, 44 (2). P. 271—285.
- Grenoble 2001 — *Grenoble L.* Conceptual reference points, pronouns and conversational structure in Russian // Glossos 1, <http://www.seelrc.org/glossos/issues/1/grenoble.pdf>
- Halle, Marantz 1993 — *Halle M., Marantz A.* Distributed morphology and the pieces of inflection // The view from building 20 / Eds. Hale K., Keyser S. J. Cambridge, 1993. P. 111—176.
- Holmberg 2016 — *Holmberg A.* (to appear) Null subjects and the theory of pro-drop // Uralic syntax / Ed. Tamm A., Vainikka Y. Oxford, <https://ling.auf.net/lingbuzz/003138>
- Hopper 1975 — *Hopper P. J.* The Syntax of the Simple Sentence in Proto-Germanic. The Hague, Paris, 1975.
- Jakobson 1971/1935 — *Jakobson R.* Les enclitiques slaves. Selected Writings. Vol. II. The Hague, 1971. P. 16—22. (Original publication: Atti del Congresso di Linguistica tenuto in Roma il 19—26 Settembre 1933. Firenze, 1935.)

- Kibrik 1996 — *Kibrik A. A.* Anaphora in Russian narrative prose: A cognitive calculative account // *Studies in Anaphora* / Ed. Fox B. A. Amsterdam, 1996. P. 266—303.
- Kibrik 2011 — *Kibrik A. A.* Reference in discourse. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Kibrik 2013 — *Kibrik A. A.* Peculiarities and origins of the Russian referential system // *Languages Across Boundaries: Studies in Memory of Anna Siewierska* / Eds. Bakker D., Haspelmath M. Berlin, 2013. P. 227—263.
- Kuznetsova et al. 2015 — *Kuznetsova N., Markus E., Muslimov M.* Finnic minorities of Ingria: The current sociolinguistic situation and its background // *Cultural and linguistic minorities in the Russian Federation and the European Union. (Multilingual Education 13: Comparative studies on equality and diversity.)* / Eds. Marten H., Riessler M., Saarikivi J., Toivanen R. Berlin, 2015. P. 127—167.
- Luis, Spencer 2012 — *Luis A., Spencer A.* Clitics: An Introduction. Cambridge, 2012.
- Markus, Rozhanskiy (in print) — *Markus E., Rozhanskiy F.* Ingrian // *The Oxford Guide to the Uralic Languages* / Eds. Laakso J., Bakró-Nagy M., Skribnik E. Oxford (in print).
- Meyer 2011 — *Meyer R.* The History of Null Subjects in North Slavonic (A Corpus-based Diachronic Investigation). Habilitation Thesis. Regensburg, 2011.
- Mustonen 1883 — *Mustonen O. A. F.* Muistoonpanoja Vatjan kielestä // *Virittäjä*, 1883. S. 144—188
- Müller 2005 — *Müller G.* Pro-drop and Impoverishment // *Form, structure and grammar* / Eds. Brandt P., Fuss E. Tübingen, 2005. P. 93—115.
- Öpik 1970 — *Öpik E.* Vadjalastest ja isuritest XVIII saj lopul: Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kubermangu kirjelduses. Tallinn, 1970.
- Porkka 1885 — *Porkka V.* Über den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanlandischen Dialekte. Helsingfors, 1885.
- Privizentseva 2015 — *Privizentseva M.* Free relatives in Moksha // Paper presented at SSUL 2015, http://ssul.nytud.hu/material/FRC_MPrivizentseva.pdf
- Rizzi 1986 — *Rizzi L.* Null Objects in Italian and the theory of pro // *Linguistic Inquiry*. 1986, 17. P. 501—557.
- Roberts 2014 — *Roberts I.* Taraldsen's generalisation and language change: Two ways to lose null subjects // *Functional Structure from Top to Toe: The Cartography of Syntactic Structures*. 2014. Vol. 9. / Ed. Svenonius P. New York, 2014. P. 115—147 (ch. 5).
- Rozhanskiy, Zhivlov 2019 — *Rozhanskiy F., Zhivlov M.* Votic and Ingrian core lexicon in the Finnic context: Swadesh lists of five related varieties // *Linguistica Uralica*. 2019, 55 (2). P. 81—108.
- Siewierska 2004 — *Siewierska A.* Person. Cambridge, 2004.
- Sovijärvi 1944 — *Sovijärvi A.* Foneettis-aannehistoriallinen tutkimus Soikkolan inkeröismurteesta. (Suomi-kirjan eri-painoksia 5). Helsinki, 1944.
- Taraldsen 1978 — *Taraldsen T.* On the NIC, Vacuous Application, and the That-trace. Bloomington, 1978.
- Trudgill 2011 — *Trudgill P.* Sociolinguistic Typology: Social Determinants of Linguistic Complexity. Oxford, 2011.
- Tsvetkov 2008/1922 — *Tsvetkov D.* Vadja keele grammatika (Эсимейн' ваддя чээле грамаатикк. Первая грамматика водьского языка, 1922). Tallinn, 2008.
- Vainikka, Levy 1999 — *Vainikka A., Levy Y.* Empty Subjects in Finnish and Hebrew // *National Language and Linguistic Theory*. 1999, 17. P. 617—671.
- Walkden 2014 — *Walkden G.* Syntactic Reconstruction and Proto-Germanic. Oxford, 2014.
- Winkler 1997 — *Winkler E.* Krewinisch: zur Erschliesung einer ausgestorbenen ostseefinnischen Sprachform. Wiesbaden, 1997. (VSUA 49)
- Wratil 2013 — *Wratil M.* The distribution and reference of subject and object personal pronouns in Nganasan // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 2013, 37. P. 241—265.

РЕЗЮМЕ

В статье представлено диахроническое исследование субъектной референции в водском и ижорском языках (уральская семья, прибалтийско-финская группа). На сегодняшний день в этих языках, как и в русском, субъектное местоимение во всех лицах преимущественно выражается эксплицитно (ср. ижорскую фразу *miü muiššan šenen hivväšt* 'Я хорошо это помню'). Тем не менее данная модель не характерна для большинства других уральских языков, где местоимение, как правило, опускается. В этой связи генезис прономинальной субъектной референции в ижорском и водском языках представляет большой интерес. Путем диахронического анализа текстов XIX—XXI вв. в статье показывается, как подобная местоименная модель последовательно развивалась в двух диалектах водского (центральноводском и нижнелужском) и сойкинском диалекте ижорского языка. Для всех идиомов констатируется значимая экспансия местоимений третьего лица в середине XX в. Данный процесс совпадает по времени с массово возросшими контактами носителей этих идиомов с носителями русского языка и может объясняться контактными влияниями.

SUMMARY

The article deals with diachronic study of subject reference in Votic and Ingrian (Finnic branch, Uralic family). At present, in these languages, as in Russian, the subject pronoun is predominantly expressed explicitly (Ingrian: *Miü muiššan šenen hüväšt* 'I remember it well'). However, this pronominal pattern is not typical for other Uralic languages, where the pronoun tends to be omitted (at least in the first and second person). In this regard, the genesis of pronominal referential pattern in Votic and Ingrian languages is of great interest. Based on diachronic analysis of Votic and Ingrian texts (mid 19th — early 21st century), the article shows how the pronominal pattern has developed through the Central and the Lower Luga dialects of Votic and through the Soikkola dialect of Ingrian. All idioms demonstrate a significant expansion of third person subject pronouns in the middle of the 20th century. This process coincides with the period of increased contacts with native speakers of Russian and can thus be explained by contact influence.

Ключевые слова: личное местоимение, субъектная референция, ижорский язык, водский язык, языковые контакты, диахрония

Keywords: personal pronoun, subject reference, Ingrian, Votic, language contact, diachronic study

Буденная Евгения Владимировна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт языкознания РАН (Москва); jane.sdrv@gmail.com

Evgeniya V. Budennaya, National Research University Higher School of Economics; Institute of Linguistics, RAS (Moscow); jane.sdrv@gmail.com